

классика
В школе

Рэй
Брэдбери

451° по Фаренгейту

Москва

2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Ray Bradbury
FAHRENHEIT 451
© 1953 by Ray Bradbury

Перевод с английского *Татьяны Шинкарь*
Оформление серии *Ольги Горбовской*

Брэдбери, Рэй.

Б89 451° по Фаренгейту / Рэй Брэдбери ; [пер. с англ. Т. Шинкарь]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 224 с. — (Классика в школе).

ISBN 978-5-699-83192-0

Перед вами книга из серии «Классика в школе», в которой собраны все произведения, изучающиеся в начальной, средней школе и старших классах. Не тратьте время на поиски литературных произведений, ведь в этих книгах есть все, что необходимо прочесть по школьной программе: и для чтения в классе, и для внеклассных заданий. Избавьте своего ребенка от длительных поисков и невыполненных уроков.

Издания полностью соответствуют нормам и требованиям ГОСТ РФ.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Шинкарь Т., наследники, 2015
© Караев Н., предисловие, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-83192-0

КНИГА VS. СЧАСТЬЕ

1

Среди книг, которые когда-либо попадали в списки запрещенной литературы, роман Рэя Брэдли «451° по Фаренгейту» стоит особняком, и на то есть веские причины.

Идеологические запреты бывали самыми разными и менялись с течением времени. Скажем, «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу полтора века назад, во время Гражданской войны в США, была запрещена на Юге, потому что категорически высказывалась против рабства, подрывая тем самым идеологию конфедератов. И наоборот, в наше время запрещенными в ряде американских школ оказываются «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена и «Убить пересмешника» Харпер Ли — по той причине, что в них часто употребляется уничижительное слово «ниггер», вызывающее в памяти то самое рабство. При этом сложно спорить с тем, что все три романа являются по сути гуманистическими и, будучи продуктом своего времени, отражают историю, которую, по идее, нельзя ни забыть, ни переписать; тем не менее, все они так или иначе попадали под запрет. При желании семена раздора можно обнаружить почти в любом тексте. Самый курьезный пример тут — «Красная Шапочка», кото-

рую четверть века назад запретили в двух школах США за пропаганду алкоголизма — ведь в корзинке у девочки есть бутылка вина, без которой бабушке явно не жить...

Пожалуй, Брэдбери был первым писателем, который довел ситуацию до абсурда, сказав (устаами своего антигероя, брандмейстера Битти), что вредными можно счесть *любые* книги — все они так или иначе сеют рознь и делают людей несчастными. Поэтому пожарные в романе «451° по Фаренгейту» сжигают всякую литературу без исключения — не только светскую, но и духовную, в частности Библию. По иронии судьбы именно этот эпизод стал основанием для запрета «451° по Фаренгейту» в одной американской школе: в 2006 году родители некоей десятиклассницы из округа Монтгомери, штат Техас, потребовали, чтобы книгу удалили из списка обязательного чтения. Их дочь не смогла дочитать роман — ее оттолкнул вульгарный язык и упоминание о сожжении священной книги. Кроме того, родители инкриминировали «451° по Фаренгейту» насилие, негативное изображение христиан и оскорбительное описание пожарных. Упомянув об этом эпизоде, сайт Neatorama язвительно пишет: «Делайте выводы, наши (предположительно) разумные читатели». В хит-параде запрещенных книг Neatorama роман «451° по Фаренгейту» занимает почетное первое место.

2

Роман, которому суждено было стать флагманом борьбы с цензурой, появился на свет в драматических обстоятельствах. В 1950 году Рэю Брэдбери было 30 лет, у него только что родилась дочь Сью-

зен (первая из четырех), и семья писателя нуждалась в деньгах. Это не значит, что Брэдбери стал сочинять коммерческие тексты: «Я всегда сочинял на разрыв аорты, повинаясь тайному зову сердца, — пишет фантаст в предисловии к юбилейному изданию романа «451° по Фаренгейту». — Я следовал совету моего друга Федерико Феллини, который, когда ему задавали вопросы о его фильмах, отвечал: не говорите мне, что именно я снимаю, я не хочу этого знать... Главное — нырнуть в книгу с головой и увидеть, как в ней проявятся твои самые сокровенные желания».

Работать дома писатель не мог — то ли пишущая машинка мешала младенцу, то ли младенец не давал Брэдбери сосредоточиться. Гуляя по территории Калифорнийского университета, он услышал знакомый перестук клавиш, доносившийся из подвала библиотеки. Выяснилось, что там можно работать на пишущей машинке всего за десять центов в час. Первый вариант «451° по Фаренгейту» был написан за девять дней и обошелся писателю в девять долларов восемьдесят центов. Тогда повесть называлась «Пожарник».

Впоследствии Рэй Брэдбери вспоминал, что основой для «Пожарника» послужили два его ранних рассказа. «Лучезарный Феникс», который был написан в конце 1940-х, а опубликован только в 1963 году, повествует о странном эксперименте: власти хотят сжечь в некоем городке почти половину всех книг, а жители городка организуют своеобразное сопротивление, заучивая книги наизусть, ровно как старики в «451° по Фаренгейту». В «Пешеходе» (1951) Брэдбери описал будущее, где книги никто не читает, зато все смотрят телевизор, а прогуливающийся человек автоматически приравнивается к

безумцу, нуждающемуся в лечении. Прототипом героя «Пешехода» стал сам писатель, которого как-то ночью остановила полиция Лос-Анджелеса — к счастью, без описанных в рассказе последствий. «Потом я вывел Пешехода на прогулку, — писал Брэдбери, — и он, свернув за угол, повстречал девушку по имени Кларисса Маклеллан, которая сделала глубокий вздох и сказала: «Я поняла, кто вы, по запаху керосина. Вы — тот, кто сжигает книги». Через девять дней роман был закончен». Иногда Брэдбери добавлял к «предшественникам» романа еще три рассказа — «Костер», «Изгнанники» и «Эшер II».

«Пожарника» Брэдбери написал в то время, когда печально известная Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности уже приступила к выявлению врагов Америки. И хотя худшее было впереди — «тогда на сцене еще не появился сенатор Джозеф Маккарти под ручку с Бобби Кеннеди», — атмосфера в США накалялась не по дням, а по часам. «Пешехода», отвергнутого «всеми журналами страны», в итоге удалось пристроить в политический журнал «Репортер», который всячески ратовал за победу Америки в холодной войне, но при этом осуждал Комиссию. «Пожарника» редакторы серьезных журналов воспринимали как памфлет — и отказывались его печатать, опасаясь, что власти сочтут повесть антиамериканской.

3

Таково было первое, но далеко не последнее столкновение Гая Монтэга с цензурой. Самое удивительное, что Брэдбери писал «Пожарника» не с мыслью об охоте Комиссии на «красных ведьм», то есть тайных и явных коммунистов. Он думал о совсем другой

охоте на ведьм — в Салеме в 1680 году, когда чуть не сожгли Мэри Брэдбери, прямым потомком которой в двенадцатом колене был писатель; он думал о Гитлере, устраивавшем костры из книг в 1934 году, о Сталине, который, по слухам, делал то же самое, об Александрийской библиотеке, которую, если верить легенде, приказал сжечь халиф Умар ибн аль-Хаттаб, и обо всех библиотеках, которые стали его, Брэдбери, храмами и университетами.

В конце концов нашелся человек, осмелившийся опубликовать «Пожарника», — это был Гораций Голд, знаменитый редактор НФ-журнала «Гэлакси сайенс фикшн». Писателю Голд казался «храбрее большинства», но вряд ли он рисковал слишком сильно — «Гэлакси» считался журналом, печатавшим низкопробное чтиво, и внимания властей не привлекал. Куда больше поставил на кон издатель Иэн Баллантайн, запустивший в 1953 году серию, в которой романы печатались одновременно и в твердой, и в мягкой обложках. Баллантайн был готов издать «Пожарника», если писатель увеличит объем текста вдвое, доведя его до 50 тысяч слов. Возможно, Брэдбери и не взялся бы за подобную авантюру — для него, сочинявшего истории не разумом, но сердцем, это была именно авантюра, — но только голос Битти в его голове не умолкал: «Я знал, что если бы мог распалить его, позволить ему подняться и изложить всю свою философию, неважно, насколько она жестока или безумна, книга расширилась бы от этого толчка...»

Спустя годы Рэй Брэдбери еще раз вернулся к роману и написал по его мотивам двухактную пьесу, а также либретто для оперы. В этих текстах он раскрыл предысторию отдельных персонажей, в том числе и брандмейстера: «Некогда он был завсегда-

таем библиотек и ценителем лучших книг мира. Но когда жизнь унизила Битти, когда его друзья погибли, когда любовь обманула надежды, когда Битти окружило великое множество неудач и смертей, он осознал, что вера в книги подвела его — они ничем не смогли помочь ему, когда он нуждался в помощи. Он набросился на них — и зажег спичку».

В конце 1953 года «451° по Фаренгейту» увидел свет в формате книги. Оставалось опубликовать его в каком-нибудь журнале, как говорят западные писатели, «сериализовать», чтобы роман добрался до широкой аудитории (в те годы периодика в США была популярнее книг). Вновь, как в случае с «Пожарником», журналы один за другим отказывались публиковать роман. Уже наступил звездный час Маккарти, изымавшего из библиотек военных баз США за рубежом «издевательские» книги, и никто не хотел связываться с текстом о прошлой, настоящей или будущей цензуре. Никто, кроме молодого чикагского издателя Хью Хефнера, решившего издавать журнал нового типа. Этот журнал назывался «Плейбой». Хефнер купил рукопись Брэдбери за 450 долларов и напечатал ее во втором, третьем и четвертом номерах «Плейбоя». В последующие годы Рэй Брэдбери станет частым гостем на страницах этого журнала, в том числе с рассказами, которые с основной тематикой «Плейбоя» совсем не вяжутся, — «Диковинное диво» и «Спринт до начала гимна». Приятельские отношения с Хью Хефнером писатель сохранил на всю жизнь.

4

Мытарства «451° по Фаренгейту» на этом не закончились. В 1967 году, когда короткая эра американского либерализма с ее музыкальной, сексуальной,

психоделической и прочими революциями подошла к концу, издательство «Баллантайн букс», исправно допечатывавшее роман на протяжении многих лет, решило, что текст Брэдбери слишком уж непристойен, и самовольно, не поставив в известность автора, подвергло его обширной цензуре. Из книги убрали все ругательства вроде «hell» и «damn» (на русский оба переведены как «черт» в оборотах типа «к черту», «черт возьми» и так далее), а также упоминание об абортах из реплики Монтэга, обращенной к миссис Бауэлс: «Идите домой и подумайте о тех десятках аборт, что вы сделали, о ваших кесаревых сечениях, о ваших детях, которые вас ненавидят!»

В сумме были изменены 75 абзацев, при этом два эпизода редакторы переписали по смыслу: если раньше брандмейстер называл Монтэга пьяницей, «drunkard» (в переводе: «Вы ведь как раз и опьянели от одного глотка»), теперь он именовал его «sick man», «заболевшим», кроме того цензуре подверглось предложение из речи Битти о «мелких и мельчайших меньшинствах, которым разве что не чистят пупок» — вместо этого появился оборот «разве что не чистят уши» (в переводе фраза смягчена: «Все эти группы и группочки, созерцающие собственный пуп»).

Какое-то время «Баллантайн букс» допечатывало обе версии книги, как оригинальную, так и исправленную, но с 1973 года читатели могли приобрести только «451° по Фаренгейту», подвергнутый цензуре. В 1979 году друг показал Рэю Брэдбери измененный текст. К этому времени писатель обладал достаточным весом, чтобы диктовать свои условия любым издательствам. Он потребовал от «Баллантайн букс» обменять исправленное издание на оригинальное и

в дальнейшем печатать только авторскую версию романа. В предисловии 1980 года Брэдбери обещал «не допустить изувечивания книги».

«451° по Фаренгейту» время от времени запрещали в некоторых школах. В 1987 году директор школы в Панаме, штат Флорида, присвоил роману статус «книги третьего яруса», что означало, что «451° по Фаренгейту» не будет изучаться на уроках литературы. Родители подали коллективный иск, суд отменил трехъярусную систему и вернул роман Брэдбери на его законное место — на парты учеников. Пятью годами позднее школа в Ирвайне, штат Калифорния, выдала ученикам экземпляры «451° по Фаренгейту», в которых все «непристойности» были зачернены. Вновь вмешались родители, и справедливость в отношении книги была восстановлена. Упомянутый выше инцидент в Техасе на сегодняшний день — последний. Но кто знает, что будет завтра?

5

Как не раз отмечали комментаторы, запрет книги, повествующей о запрете книг, — это абсурд, который, к сожалению, лишь подтверждает каждое слово романа. Учитывая эпоху, когда создавалась эта книга, возникает искушение прочесть «451° по Фаренгейту» как притчу об абсолютной государственной цензуре, как роман о власти, которая насильно оглушает людей, притупляет их восприятие эффектными телевизионными зрелищами, уничтожает книги, расширяющие кругозор и будящие фантазию, а заодно и беспрепятственно переписывает историю (как написано в уставе пожарных, их служба основана в 1790 году для сожжения про-

английской литературы в колониях, причем первым пожарным был Бенджамин Франклин). Брэдбери любил повторять, что задача фантастов — не предсказывать будущее, а, скорее, предотвращать его. Соответственно, в основном «451° по Фаренгейту» толкуют как книгу, которая предостерегает нас от превращения демократического общества в тоталитарное. Как иначе объяснить, что пожарным в этом мире дозволено сжигать библиотеки? Как еще, если не с подачи властей, могла возникнуть организация, уничтожающая книги так, словно в мире нет занятия естественней? «В понедельник жечь книги Эдны Миллей, в среду — Уитмена, в пятницу — Фолкнера», — объясняет Монтэг Клариссе; в оригинале лозунг благодаря игре аллитераций превращается почти в детскую считалочку: «Monday burn Millay, Wednesday Whitman, Friday Faulkner».

Как уже было сказано, Брэдбери, невзирая на маккартизм, черпал вдохновение в иных исторических сюжетах. Будучи по натуре скорее консерватором, писатель всегда старался обходить политику стороной. Его консерватизм означал скепсис в отношении технического прогресса как такового, что отмечали и критики романа: «Брэдбери ненавидит многие аспекты современной культуры, — писала газета «Нью-Йорк Таймс», — а именно, такие жуткие уродства, как радио, телевидение, большую часть кино, любительский и профессиональный спорт, автомобили и другие отклонения от нормы, омрачающие, по мнению писателя, ясную простоту жизни мыслящего человека». Рэй Брэдбери охотно раздавал всем сестрам по серьгам, рассуждая об одинаково неприемлемой тирании крайне левых и крайне правых. Впрочем, политика до него все-таки добралась: в знаковом 1984 году он на пару с покой-

ным Оруэллом получил премию Либертарианского футуристического общества «Прометей» в категории «Зал славы».

Тем сенсационнее было сделанное Брэдбери в 2007 году заявление: «451° по Фаренгейту» понимают неправильно. На деле эта книга вовсе не о правительственной цензуре, и уж тем более это не ответ сенатору Джозефу Маккарти, чьи расследования вселили в тысячи людей страх и подавляли их творческое начало. «451° по Фаренгейту» — это история о том, как телевидение уничтожает интерес к чтению книг. «Телевизор сообщает вам, когда жил Наполеон, но ничего не говорит о том, кем он был, — подытоживает писатель. — Оно пичкает нас не фактами, а фактоидами, маскирующимися под полезные сведения». Главный злодей в книге — не власть, а люди, поддающиеся мороку телеэкрана.

6

Можно предположить, что в 2007 году Рэй Брэдбери сказал все это по очень простой причине: он не хотел, чтобы «451° по Фаренгейту» воспринимали как книгу о пусть недавнем, но уже заклеяменном и почти забытом историческом периоде. О том, насколько на страницах романа присутствует Маккарти, можно спорить, однако внимательный читатель не может не заметить, что текст Брэдбери куда шире его узкополитического толкования. Поручкой тому — та самая «жестокая и безумная» речь брендмейстера Битти. В начале 1950-х большинство американцев в глаза не видело телевизора, не говоря о цветных экранах во всю стену, в те времена просто не существовавших; однако Брэдбери уже тогда предсказал наступление новой эры свободы, достат-

ка и развлечений, когда желание быть счастливым, помноженное на политкорректность, приведет к запрету книг безо всякого правительственного вмешательства. Об этом Битти сообщает Монтэгу прямо:

«Возьмем теперь вопрос о разных мелких группах внутри нашей цивилизации. Чем больше население, тем больше таких групп. И берегитесь обидеть которую-нибудь из них — любителей собак или кошек, врачей, адвокатов, торговцев, начальников, мормонов, баптистов, унитариев, потомков китайских, шведских, итальянских, немецких эмигрантов, техасцев, бруклинцев, ирландцев, жителей штатов Орегон или Мехико. Герои книг, пьес, телевизионных передач не должны напоминать подлинно существующих художников, картографов, механиков. Запомните, Монтэг, чем шире рынок, тем тщательнее надо избегать конфликтов... Читатель прекрасно знал, что ему нужно, и, кружась в вихре веселья, он оставил себе комиксы. Ну и, разумеется, эротические журналы... И все это произошло без всякого вмешательства сверху, со стороны правительства. Не с каких-либо предписаний это началось, не с приказов или цензурных ограничений. Нет! Техника, массовость потребления и нажим со стороны этих самых групп — вот что, хвала Господу, привело к нынешнему положению... Слово «интеллектуальный» стало бранным словом, каким ему и надлежит быть. Человек не терпит того, что выходит за рамки обычного... Мы все должны быть одинаковыми. Не свободными и равными от рождения, как сказано в Конституции, а просто мы все должны стать одинаковыми. Пусть люди станут похожи друг на друга как две капли воды, тогда все будут счастливы, ибо не будет великанов, рядом с которыми другие почувствуют свое ничтожество. Вот!